

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА В ПОСТСОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

ДЖУСУПБЕКОВ А. К.,
доктор философских наук,
зав. отделом ИФиППИ НАН КР.
КАНГЕЛЬДИЕВ А. Н.,
доктор политических наук
ualibrary@mail.ru

***Аннотация:** Статья посвящена анализу работ национальной идентичности постсоветских исследователей.*

***Annotation:** This article analyses the work of national identity problem of the post soviet pathfinders*

После развала СССР и последовавшего за ним краха марксистской парадигмы научного анализа, в том числе национальных и этнических процессов, перед учеными встали серьезные методологические проблемы – какими путями развивать научные изыскания? Наметилось несколько путей.

Во-первых, продолжение прогрессивных традиций марксистско-ленинского анализа наций, этносов, национальных и этнических отношений.

Во-вторых, отказ от философских методов изучения национальной и этнической проблематики, замена их методами культурологии, этнологии, этносоциологии, или этнопсихологии.

В-третьих, забвение традиций отечественных изысканий и исследования национальной и этнической идентичности с чистого листа, вооружившись одной из наиболее признанных концепций зарубежной науки, в частности, конструктивизмом.

Так как в годы перестройки, а также в последующий постсоветский период на территории бывшего СССР и постсоветском пространстве участились межнациональные и внутринациональные конфликты, а официальная научная доктрина, превращенная в идеологию, не смогла, да и не могла дать адекватный ответ на новые вызовы национального и этнического ренессанса, то первый вариант развития теории наций и национальных отношений был окончательно дискредитирован, тем более в тот период.

Второй вариант давал возможность накопления множества ценных материалов эмпирического характера, но не позволял выйти на широкие обобщения, стратегию, концепции, гипотезы, способствовавшие эффективному нациостроительству, в чем остро нуждались и нуждаются постсоветские государства.

Наиболее реальным из всех возможных альтернативных путей научных исследований межнациональных и межэтнических отношений, на наш взгляд, оказался третий вариант – экспорт передовых зарубежных теорий, в том числе концепций этнической и национальной идентичности.

Тем более, что ярким критиком советской концепции и сторонником западного конструктивизма явился В.В. Тишков – директор Института этнологии РАН РФ, а позднее – министр по делам национальностей в Правительстве Российской Федерации. Не следует также упускать из виду, что в связи со скудным бюджетным финансированием науки в этот период России и странам СНГ были выделены солидные суммы грантов из зарубежа. Гранты предусматривали проведение своей политики, преследовали цели, выгодные этим

фондам и государствам. Поэтому можно констатировать, что в конце 90-х годов в исследовании национальной и этнической идентичности задавали тон и господствовали западные концепции, подходы, методологии и парадигмы.

В.А. Тишков особо подчеркивает, что в зарубежной литературе понятие «этнос» фактически отсутствует, если не считать часть восточноевропейских и немецких коллег, а также ученых из других стран бывшего СССР, которые сформировались в рамках единой советской науки под влиянием так называемой теории этноса [1, с. 15].

Автор выделяет ряд характеристик, свойственных общностям и позволяющих считать их этническими или говорить о присутствии этничности как таковой. К их числу он относит:

- разделяемые членами группы представления об общем территориальном и историческом происхождении, единый язык, общие черты материальной и духовной культуры;
- политически оформленное представление о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые могут считаться частью того, что составляет понятие «народ»;
- чувство отличительности, т.е. осознание членами группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом формы солидарности и совместные действия.

Исходя из вышеперечисленных характерных черт этнических групп, В.А. Тишков трактует этничность как форму социальной организации культурных различий, а саму этническую общность понимает как группу людей, члены которой имеют одно или несколько общих названий и общие элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладают как бы общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности, а также как общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях [2, с. 229-230].

Что касается этничности и этнической идентичности, В.А. Тишков, самый активный пропагандист конструктивизма в России, предлагает разрабатывать подход к этничности вне традиционных культурных типов, как культурной гибридности и как множественных лояльностей или этнического дрейфа, что позволяет рассматривать не человека в этничности, а этничность в человеке, что приближает к более чувствительному и адекватному восприятию «реальности» и к более конструктивному воздействию на этничность в смысле общественного управления [3, с. 233].

Современные исследователи выделяют ряд взаимосвязанных факторов, влияющих на этническую идентичность: исторические, социальные, культурные, психологические (или личностные); ситуативные и политические.

К историческим факторам, детерминирующим этническую идентичность, следует отнести ход исторических событий, создавших фон для формирования и развития этнической идентичности, исторические события, которые стали элементом этнической идентичности, особенности историко-социального развития и внешнеэтнического окружения.

К политическим факторам причисляют принципы и формы государственного устройства, характер политического строя, тип государственной национальной политики.

Среди группы социальных, структурных факторов, влияющих на этническую идентификацию, выделяются: взаимосвязь социальной и этнической стратификации, влияние социально-структурных изменений, этнический фактор в социальной мобильности.

Культурные факторы, влияющие на этническую идентичность, связаны с продвижением и информированностью, традиционизмом [4, с. 193-201].

Социально-психологические и ситуативные факторы, определяющие доминирование того или иного типа этнической идентичности, связаны с эмоциональной сферой,

психологической деятельностью (фрустрацией, агрессией, преобладанием в населении личностей с авторитарными, невротическими, экстравертными и др. чертами личности), с восприятием индивидами себя как членов одной и той же общности, разделяющих эмоциональные последствия этого самоопределения и достигшие некоторой степени согласованности в оценке группы, и их членства в ней с межгрупповым сравнением, то есть с коллективным и субъективным миром личности [5, с. 10].

Особый интерес вызывают исследования Г.У. Солдатовой регулятивных и защитных социально-перцептивных, компенсаторных и регрессивных механизмов этнической идентификации.

Социально-перцептивные механизмы анализируются на основе выделения эмоционально-атрибутивных феноменов, которые функционируют в условиях роста этнического самосознания или идентичности, такие как рост восприятия и осознания общих черт внутри группы, увеличение «позитива» в оценке собственной группы и др.

Компенсаторные механизмы в этнической идентификации включаются при сформированном «комплексе групповой неполноценности».

В условиях социальных, политических перемен, кризисов гражданской идентичности этническая идентичность становится компенсаторным механизмом, порогом для гиперидентичности в массовых масштабах.

Регрессивные механизмы возрождают архаичные формы кланово-родовых систем, этнорегиональной и родоплеменной идентичности [6, с. 82].

В постсоветских этнопсихологических исследованиях большое внимание уделяется также таким социально-психологическим факторам, как валентность (позитивность – негативность) этнической идентичности и определенность этнической идентичности, где позитивная этническая идентичность взаимосвязана с толерантными межгрупповыми установками, а негативная – с интолерантными установками, а неопределенность этнической идентичности, высокий уровень дискриминации и религиозности также связаны с интолерантностью межгрупповых установок.

Этнопсихологи выявили, что одинаковые психологические стратегии межкультурного взаимодействия представителей разных этнических групп взаимосвязаны со сходными характеристиками их этнической идентичности.

В западной литературе выделяются три основные стратегии манипулирования определенностью групповой идентичности: декатегоризация, рекатегоризация и категоризация, которые способствуют манипуляции определенностью групповых идентичностей в ситуациях контакта, меняя межгрупповые установки. Так, декатегоризация заключается в том, что специальные воздействия снижают акцент групповых идентичностей, и это приводит к повышению толерантности межгрупповых установок, при рекатегоризации какая-либо общая надгрупповая идентичность выходит на первый план, ослабляя межгрупповую дифференциацию, тем самым, повышая позитивность межгрупповых установок, а категоризация проявляется при взаимодействии общностей, каждая из которых сохраняет четкую групповую идентичность.

Что касается последней, то отмечается преимущество в сохранении некоторого минимума определенности групповой идентичности до тех пор, пока оно способствует успешному межгрупповому контакту. Кроме того, считается, что этнические меньшинства очень часто страдают именно от отсутствия определенной коллективной (этнической, культурной) идентичности, так как психологически здоровый индивид имеет определенную коллективную (этническую культурную) идентичность и поэтому готов к осмысленному позитивному контакту с физической и социальной средой, а также способен взаимодействовать с изменяющейся действительностью.

Н.М. Лебедева и А.Н. Татарко под определенностью этнической идентичности понимают степень субъективного осознания индивидом себя в качестве представителя некой этнокультурной общности, то есть континуум, на одном полюсе которого находится определенность этнической идентичности (четкое осознание индивидом себя

как представителя этнокультурной общности), а на другом – ее неопределенность (низкая степень осознания индивидом себя в качестве члена этнокультурной группы) [7, с. 51-52].

Большой интерес для изучения постсоветских исследований этнической идентичности представляют публикации ученых Украины, этносы которой переживают глубокий кризис этнической и национальной идентификации.

Украинские социологи Е. Злобина и А. Резник рассматривают любую идентичность как структурное образование со своим содержанием, мерой устойчивости и противодействия влиянием извне и используют в своих исследованиях понятия «мы – группа», «они – группа» и группа «другие».

К первой группе они относят такое сообщество, членом которого человек является или старается стать, группа «своих», соответственно «они – группа» – это, наоборот, сообщество, членом которого индивид быть не желает. А к группе «другие» относятся сообщества, к которым человек не проявляет специального интереса, хотя и знает об их существовании.

Идентичность авторами трактуется как групповая принадлежность, которая осознается индивидом и направляет его поведение, которая имеет многомерный характер. При этом идентичность может иметь относительно устойчивый надситуативный и слаборефлексируемый характер, как этническая идентичность. Так же может быть в большей мере рефлексивной, теснее связанной с конкретным ситуативным контекстом, как политическая идентичность. И, несмотря на то, что между разными идентичностями существует определенная связь, она не всегда имеет жесткий характер: этническая идентичность не обязательно корреспондирует с политической идентификацией: далеко не все идентифицирующие себя как представители определенного этноса поддерживают политические силы, которые выступают в защиту его прав.

Трансформация постсоветских стран, по мнению авторов, нарушила групповую идентичность, когда отдельные группы принадлежности утратили для человека позитивную принадлежность» типа «советского народа», «авангардного класса», «людей труда» и уже не удовлетворяли потребности в самоуважении. Наметились несколько путей выхода из кризиса. Во-первых, путь разрыва связей, когда личность отделяется от группы физически (миграция) или психологически, идентифицируясь с другой, более значимой группой. Во-вторых, эта «отрицающая идентичность» или «негативная идентичность», суть которых заключается в том, что личность пытается восстановить свою внутреннюю идентичность, противопоставляя ее той системе ценностей, которую она принципиально не воспринимает. В данном случае неконструктивность выражается в том, что сохраняется полная зависимость индивида от того, что он энергично отрицает, препятствуя построению системы позитивных жизненных ориентиров.

Третьим вариантом стратегии при разрушении устойчивых групповых идентичностей являются изменения структуры идентичности в сторону превалирования персональной составляющей над социальной, когда усиливается полюс эго-идентичности по сравнению с идентичностью приписанной.

Часто при этом функцию важнейшей и заметной идентификации выполняет ориентация на семью, где статусная позиция человека не ухудшается вследствие нестабильности, социального пространства, причем «мы» – это не только родственники, но и друзья, коллеги, все те, кто разделяет интересы человека, его ценности, отношение к жизни и т.п., когда «они» – это, как правило, представители власти, богачи, преступники и т.п.

Участники взаимодействия образуют в зависимости от контекста разные конфигурации «своих», «чужих», «других». Формируется следующая закономерность – чем масштабнее группа «других», тем больше в ней разнообразных подмножеств, в то же время более высокий уровень объединения в какой-то мере нивелирует внутренние расхождения между членами групп, позволяет отбросить идентификации, которые в определенном контексте считаются несущественными, и достичь консолидации в

действиях представителей разных, а иногда и противоположных идентификационных групп.

Постсоветские общества пребывают в состоянии возобновления устойчивых, групповых идентичностей и эту функцию, в первую очередь, выполняет гражданская идентичность, относящаяся к высоко обобщающим категориям и служащая основой формирования общенациональной идентичности, которая переживает процесс становления, ее внутренняя структура еще продолжается [8, с. 177-179].

По мнению украинского социолога В. Степаненко, гражданская нация или национально-гражданская идентичность – все же не стерильная категориальная абстракция, лишенная каких-либо культурных, языковых или религиозных контактов и наполнений.

В такой трактовке гражданской нации отношение к национальной культуре и этническая принадлежность индивида рассматривается подобно религиозной вере, т.е. как сфера частного, где граждане могут свободно определять этнокультурную идентичность без вмешательства государства. Такой подход утверждает нереалистическую возможность существования национально-нейтрального (или этнически ангажированного) государства.

Гражданская идентичность включает в себя помимо формально-юридического основания такие сущностные ценности и установки, как патриотизм, гордость за страну, политическое участие граждан, их толерантность и способность к признанию социокультурных различий (этнокультурных, языковых, религиозных).

Весьма интересным выглядит оценка тенденции изоляционизма не как угроза нарастания ксенофобии, а скорее, как побочный продукт формирования собственной национальной идентичности через определенное дистанцирование и даже противопоставление себя и «других».

Для современной постсоветской социальной философии под давлением быстро меняющейся социальной действительности, характеризующейся многочисленными этническими и национальными конфликтами, модернизацией, трансформацией этнической и национальной идентичностей бывших советских народов, с проникновением западных концепций этничности и этнической идентичности, достижениями отечественных более специализированных этнологических, этнопсихологических, этносоциологических и этнополитических научных дисциплин, большое значение приобретает признание возрастающего значения этнонациональной идентичности в развитии личности и общества, что приводит к повышению статуса категорий этничности, нации, этноса, этнической идентичности в социально-философском синтезе.

Поэтому социальная философия, говоря словами Н.С. Савкина, применительно к теме, предполагает функционирование общественной системы с точки зрения места, роли и значения этнической идентичности и ее уровней в производстве и воспроизводстве человека и общества, в частности номадического и постномадического. Их взаимосвязь между обществом и этнической идентичностью номадов раскрывается через показ взаимодействия, функционирования и непрерывного воспроизводства.

Необходимость создания концепции многоуровневой этнической идентичности номадов в социальной философии осознается через потребность усвоения накопившегося запаса знаний, потребность во все более обобщенных знаниях о духовной сфере, этнической идентификации представителей кочевых (посткочевых) цивилизаций.

В социальной философии этносоциологии в изучении этнической идентичности интересы пересекаются. Современная этносоциология в качестве своего приоритета актуализирует исследование основ этнической идентификации, двойной или даже тройной «плавающей» этничности, обусловленности сложной идентификации в полиэтничном обществе.

Социальная философия ставит своей задачей формировать и осваивать понятия общества и этнической (национальной) идентичности, социализировать этническую

идентичность и этноидентифицировать общество, одновременно интерпретировать социальное единство как этноидентификационное множество, и это множество как целостность, разнообразие единичного и особенного, переходов между ними, способность к синтезу этой целостности. Абстрактные понятия и категории общества и этнической идентичности, в свою очередь, должны интерпретироваться через непрерывную конкретизацию. Таким образом, через обобщение результатов предшествующего специального анализа проблемы, синтез понятий «общество и этническая идентичность» возможна выработка представления о целостности, социально-философской концепции этнической идентичности. Здесь синтез трактуется как «сложная логическая операция, реальным результатом которой должна быть гармоничная целостность, преодолевающая сложность, возникшую в результате разрушения предшествующего синтеза», и «синтез существует как результат поиска соразмерности частей целого и одновременно между частью и целым» как «две стороны единого процесса». Социально-философские теории в отличие от этносоциологии, как теории среднего уровня, относятся к «фундаментальным, теоретическим схемам» и они формируются последовательным образом и, как показал В. Степин, «построение развитой теории осуществляется как поэтапный синтез и обобщение частных теоретических схем и законов».

Отсюда закономерный вывод о том, что социально-философская концепция этнической идентичности зиждется на достижениях этнополитологических, этнологических, этнопсихологических и этносоциологических исследований.

В свою очередь, социально-философский подход к этнической идентичности вырабатывает методологические ориентиры путем разработки категориально-понятийного аппарата, выявления общих закономерностей и особенностей формирования, развития и функционирования этнической идентичности в том или ином обществе для частных специализированных научных дисциплин, объектом и предметом исследования которых являются те или иные аспекты личности и этнической общности в этноидентификационном измерении.

В целом, характеризуя постсоветские исследования этнической и национальной идентичности, необходимо выделить следующее.

Во-первых, рост влияния результатов этносоциологических, этнопсихологических, этнологических, этнополитических исследований, опирающихся на передовые западные методики эмпирического анализа проблем этнической и национальной идентичности, то есть создание исходной эмпирической базы теоретических исследований для деидеологизированного научного подхода.

Во-вторых, активное использование признанных зарубежных методологий, в частности, конструктивизма (идеализма) и признание марксизма как разновидности примордиализма (субъективного реализма), как одной из ведущих западных концепций этнической и национальной идентичности.

В-третьих, осознание многими постсоветскими серьезными исследователями национальной и этнической идентичности, небесспорности и неадекватности зарубежных концепций происходящим на постсоветском пространстве нациоидентификационным процессам.

В-четвертых, наличие заметных различий между моделями нациостроительства, практикуемыми в различных постсоветских государствах и соответственно в процессах национальной и этнической идентификаций под влиянием различных геополитических, цивилизационных, энергоресурсных, этнокультурных, этноисторических факторов и ориентаций.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Тишков В.А. Идентичность и этнические границы // Идентичность и конфликты. – М.: Наука, 1999. – С. 15.
2. Тишков В.А. Этнология и политика. – С. 229–230.

3. Тишков В.А. Этнология и политика. с. 233
4. Арутюнян Ю.В. и др. Этносоциология: Учебное пособие. / Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 193-201.
5. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. – М., 1970. – С. 10.
6. Солдатова Т.У. Психологические исследования этнической идентичности в условиях межэтнической напряженности // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М., 1994. – С. 82.
7. Лебедева Н.М. Татарко А.Н. Этническая идентичность, статус группы и тип расселения как факторы межгрупповой интолерантности // Психологический журнал. – Том. 26. 2005.- № 3. – С. 51-52.
8. Злобина Е., Резник А. Гражданское пространство Украины: Степень идентификации и факторы консолидации // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 2. – С. 177-179.